

## ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.В. ДРУЖИНИНА

Прошли времена, когда официальная литературная наука предписывала обязательное осуждение теорий “чистого искусства” и критики, отстаивавшей его принципы, как “типично либеральные” и в “конечном счете, антиреалистические” явления. Но и сегодня не изжито представление о том, что “чистое искусство” по своей природе должно быть далеким от насущных проблем современности и заниматься вопросами сугубо эстетическими. В этой связи интерес представляют литературно-критические суждения одного из наиболее последовательных сторонников “чистого искусства” А.В. Дружинина. Непредвзятый анализ содержания его статей дает основание пересмотреть отношение к “эстетической” критике как антисоциальной и “безразличной” к общественному прогрессу.

Расцвет критической деятельности Дружинина приходится на период, так называемого, “мрачного семилетия” (1848-1855 гг.). В условиях, когда политическая, философская, эстетическая мысль втискивалась в прокрустово ложе официальной идеологии, его “литературный аристократизм” являлся выражением инакомыслия, протестом против насильственной общности. Человек образованный, субъективно честный, Дружинин был безгранично предан искусству. Он мечтал о преобразованиях в России по западному образцу, но отвергал революцию как средство общественного прогресса.

Эстетические принципы критики Дружинина являлись своего рода реакцией на всевластие “натуральной школы” и критерии “социальности” и “типичности” как необходимого условия художественности. Он ориентировал искусство на вечный и неизменный идеал. “Твердо веруя, что интересы минуты скоропреходящи, что человечество, изменяясь непрестанно, не изменяется только в одних идеях вечной красоты, добра и правды”, артистическая критика “в бескорыстном служении этим идеям видит свой вечный якорь”, - писал Дружинин в статье “Критика гоголевского периода и наше к ней отношение”. Ориентация на абсолютный идеал, считал он, позволяет избежать односторонних и субъективных суждений об искусстве. Адекватной формой его выражения, подчеркивал Дружинин, является “чистая художественность”. Он не отрицал связи “этика - эстетика” как необходимое условие искусства. Однако формула “искусство само себе цель” делала его позиции в период общественного подъема в 1860-е гг. весьма уязвимыми. Следует отметить, что Дружинин признавал социальную роль литературы, но понимал ее иначе, чем представители радикальных течений в русской критике, в том числе и его современники и главные оппоненты демократы-шестидесятники. Дружинин был убежден, что красота, “эстетика”

в художественном произведении представляет собой важное средство нравственно гуманизирующего воздействия как на отдельного человека, так и общество в целом. Он ставил перед литературой задачу “возбуждать в читателе чувство поэзии”, что возможно, лишь когда искусство объективно и нетенденциозно. Важно в данном случае отметить, что под тенденциозностью критик понимал откровенную нравоучительность, абсолютизацию общественно значимой идеи, “дидактичность”, по его выражению.

“Здравомыслящий и практически развитый поэт, отдавшись дидактике, может произвести много полезного для современников – этого мы отрицать не будем”, - писал Дружинин в “Критике гоголевского периода...”. Но обличительство, откровенная тенденциозность, неприкрытая назидательность делают век “дидактической” литературы коротким. “Горе поэту, променявшему вечную цель на цель временную!” - восклицал критик. Он был убежден, что творения “дидактика” “отвечают вместе с современностью, которой он (поэт- Г.Ч.) служит”. Подлинными наставниками общества являются художники, которые ориентируются на вечные ценности. Их произведения, созданные “без всякой поучительной цели, стали зерном общего поучения, основанием наших познаний, наших добрых помыслов, наших великих деяний”. Примером тому, безусловно, является творчество А.С.Пушкина - считал критик.

Конечно, суждения Дружинина об искусстве полемически заострены. Но время доказало, что они во многом и справедливы: забываются произведения, созданные на “злобу дня”. Но во все эпохи остаются современными те творения искусства, которые ориентировали не на политические или классовые, а на общечеловеческие идеалы.

Важно подчеркнуть, что выступая против “дидактики”, Дружинин в то же время признавал, что все направления в русской литературе так или иначе дидактичны. Он связывал это обстоятельство с условиями, сложившимися в России. Какими, критик не расшифровывает. Но читателю-современнику было понятно, что имелось в виду: неразвитость общественного сознания, обусловленная политическим режимом. “У нас в России, - отмечал Дружинин, - великие писатели всегда стояли впереди своих читателей, сами образовывали своих читателей, сами образовывали общество. Им не приходилось петь для самих себя и уединяться в даль от русского народа, к вершинам Геликона...”. Интересно сопоставить данное положение статьи Дружинина “А.С.Пушкин и последнее издание его сочинений” с известной фразой А.И.Герцена из работы “О развитии социалистических идей в России”: “У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести”. Обнаруживаются точки соприкосновения во взглядах на национальные особенности русской литературы “эстетика” Дружинина и “дидактика” Герцена. И тот, и другой усматривали задачи литературы в просвещении общества. Но либерал

Дружинин определял ее цель как нравственное образование публики “через прямое влияние примера”, т.е. через художественность. Демократ Герцен усматривал задачу литературы в политическом просвещении народа и потому особое значение придавал общественно значимому содержанию.

Литературно-критические суждения Дружинина свидетельствуют о том, что несмотря на декларируемые приоритеты вечного над временным, формы над содержанием, определение “сторонник чистого искусства” к нему следует относить с серьезными оговорками.